

ФЕЛЬДМАН Дмитрий Михайлович –

д.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

dm.feld@yandex.ru

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВО ВЛАСТИ ТОЛПЫ?

IS THE WORLD POLITICS IN THE GRIPE OF THE CROWD?

В статье рассматриваются проблемы, связанные с современной мировой политической сетью. Автор показывает, что превращение мировой политики в глобальную общепланетарную сеть способствует возрастанию политической роли индивида и отдельных сетевых сообществ, взаимодействующих по «правилам сети». Это дает им возможность реализовать идею глобального управления без правительства.

Ключевые слова: сеть, мировая политика, индивид, толпа, власть, возможность

The article is devoted to the problems of the contemporary global political network. The author shows that the transformation of the world politics to the global planetary network is facilitating the rise of the political role of individual and private online communities, which interact according to the rules of the network. That gives to online communities an opportunity to realize the idea of the global governance without government.

Keywords: network, world politics, individual, crowd, power, ability

Взаимодействие множества акторов мировой политики (государств, политических, религиозных и других массовых движений, ТНК, торговцев, а главное – отдельных индивидов) вне национально-государственных границ происходит на протяжении тысячелетий. Его политическое значение, как и наличие политических аспектов неполитических отношений на мировой арене, не вызывает сомнений. Но транснациональное взаимодействие индивидов в рамках криминальных и легальных торговых сделок, личных контактов, внутриконфессиональных трансграничных общностей или массовых идейно-политических движений никогда не было исключительной сферой взаимодействия индивидов, являющихся гражданами в высоком политическом смысле этого слова. Не случайно транснациональные связи, по сути представляющие собой международные сети, рассматриваются на примере таких образований, как «пиратские сообщества (преимущественно XIV–XVIII вв.), Ганзейский союз, европейские купеческие гильдии, Британская Ост-

Индская компания, существовавшие во множестве религиозные организации, религиозно-мистические ордена и группы и многое другое» [Косов и др. 2013: 65]. Сегодня перед миллионами людей, образующих множество сетевых сообществ и взаимодействующих в глобальном киберпространстве, открывается реальная возможность личного, непосредственного участия в сети мировой политики.

Сеть мировой политики

Важно подчеркнуть, что если сетевая теория мировой политики и сетевой подход – почти ровесники, то сеть мировой политики как объект научного познания старше их на многие столетия. Сетевое понимание политического взаимодействия акторов мировой политики – не только дань «сетевой» моде. История международных отношений неопровержимо свидетельствует о том, что многие негосударственные акторы куда менее новы, чем государственные, а международное взаимодействие между ними, соответствующее их сетевому пониманию, существует тысячелетия. Этому взаимодействию по самой его природе

присущ хаотично-мультицентричный характер. Можно с высокой степенью вероятности допустить, что такой характер мировой политики свойственен ей изначально. Даже без обращения к иллюстрациям в виде изменения представлений о сущности политики, государства или человека ясно, что научное понимание этих объектов исследования обновляется куда чаще, чем их сущностная природа. В полной мере это относится и к современному пониманию политических сетей, одним из видов которых является мировая политика.

Вариативность сетевых форм политической организации социума, многообразие их типов не затрагивают структурную основу, инвариант, характеризующий все политические сети. Этим инвариантом является иерархический характер их структуры, неизменно фиксируемый в различных версиях концептуализации политических сетей. Указывая на функциональный смысл и значение структуры политической сети, М. Кастельс делает вывод: «власть сетевой структуры оказывается сильнее структуры власти» [Castells 1996].

Выявление инвариантной основы сетевой методологии позволяет сблизить гносеологический и онтологический подходы в теории политических сетей. Как отмечается в отечественной литературе, различия этих подходов сказались на формировании двух теоретических школ — англосаксонской и немецкой. Особенностью англосаксонской школы является гносеологическое понимание политических сетей как абстракции, созданной для проведения различий между вариациями в неформальных политических процессах. В свою очередь, представители немецкой школы понимают политические сети онтологически, т.е. как реально существующую форму политического управления и коммуникации между взаимодействующими субъектами, сложившуюся в результате трансформационных процессов, происходивших на уровне глобальной политической арены и сформировавших понимание невозможности концентрации власти в едином центре, а также необходи-

мости изменения самого подхода к реализации политики [Косов и др. 2013: 65; Курочкин 2011: 117-120].

Интересно отметить, что такое сближение вполне укладывается в русло «онтологического поворота», характерного для современного развития научного знания. Как пишет П.П. Гайденко, «преодолеть субъективизм, ставший в новое время руководящим принципом при исследовании научного знания и постепенно превративший гносеологию в основную философскую науку, можно лишь путем обращения к рассмотрению *бытия* как центрального понятия философии и — соответственно — к онтологическим, бытийным основаниям всякого знания, в том числе и знания научного» [Гайденко 2003: 44-45].

Двигаясь по колее, проложенной зарубежными предшественниками, некоторые отечественные политологи не заметили этот поворот. Повторяя чужие суждения, они посвятили свои усилия исследованию никогда не существовавших в реальности функций, например, таких как «асимметричные конфликты», «новые акторы мировой политики», «конфликты нового поколения». Появление целого ряда трудов, посвященных исследованию всего этого, и даже учебников, эти труды пересказывающих и обобщающих, не отменяет того, что ни одного симметричного конфликта со времен Каина и Авеля как не было, так и нет. До сих пор нет и нового (или хотя бы молодого и свежего, в возрасте менее трех веков) актора мировой политики. Что же касается политических «конфликтов нового поколения», в которых якобы лишь недавно стали сочетаться внутривнутриполитические и внешнеполитические составляющие, то это поколение конфликтов живет, по крайней мере в европейской цивилизации, уже с времен античной Греции и Древнего Рима.

Как это не раз случалось в истории человеческого познания, изучение несуществующего оказалось очень полезным для совершенствования техники исследования и обучения самих исследователей, включая подготовку ими квалификационных работ, кан-

дидатских и докторских диссертаций. Однако все это мало помогло решению проблем, стоящих перед политической наукой, стремящейся, изучая современную реальность, заглянуть в будущее.

Успеху попытки увидеть завтрашний день мировой политики может быть полезен подход, учитывающий реальные правила поведения, которыми руководствуются участники взаимодействия на мировой арене. Громадный исторический период существования и почти всеобщий характер этих правил позволяет указать на некоторые последствия их проявления в будущих отношениях на мировой арене.

В практике политического бытия, реального поведения на мировой арене, в т.ч. и в условиях глобализирующегося социума, отчетливо обнаруживается смысловое различие в сущностной основе правил, норм и принципов системы межгосударственных отношений и правил, действующих в сети мировой политики. Это различие проявляется в несоответствии нормативной (не только международно-правовой, но и идейно-ценностной) базы, определяющей реализацию правил участия в межгосударственном взаимодействии (назовем их правилами системы), целевым установкам правил эффективного взаимодействия всех акторов мировой политики (т.е. правилам сети).

Правила сети, например исконно-общечеловеческое: «ты — мне, я — тебе», общеизвестное, хотя и менее популярное «золотое правило нравственности» или «технологическое» правило: «не можешь победить — присоединяйся», оказываются куда более неизменными и эффективными, чем правила любой из сменяющихся друг друга систем международных отношений («Европейский концерт», Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы). Это касается как правил, закрепленных в общих принципах международного права (уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, право народов на самоопределение и т.д.), так и правил двусторонних отношений, устанавли-

ваемых во взаимных соглашениях о союзе, торговле, помощи, границах и т.д. [Фельдман 2012: 35-47]. Другими словами, действия не только «чисто сетевых», но и «системных» (государственных) акторов в повседневной практике мировой политики определяются, прежде всего, политической целесообразностью, т.е. целью и смыслом политического бытия в условиях конкретной ситуации, складывающейся во властных отношениях.

Не занимаясь в данном случае выявлением и анализом тех или иных онтологических особенностей взаимодействия в сети мировой политики в целом (интенсивность, хаотичность, плотность и т.п.), в отдельных сетевых сообществах (малые группы, клики) или формализованным описанием их взаимодействия (например, при помощи теории графов), подчеркнем, что эти особенности, воплощаясь и обнаруживаясь в правилах сети, глубоко укоренены в социуме. Эти правила действуют практически везде, они присущи любому периоду существования *homo sapiens*. Однако только в социокультурной сфере, охватывающей общественные отношения, идеологию, культуру, знание, язык, производятся и воспроизводятся политические смыслы и оценки, «открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затуманивания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения “друзей”, “соперников” и “врагов”» [Алексеева 2014: 13]. Для политолога, заинтересованного в практическом использовании (и проверке!) своих теоретических представлений, ясное понимание этого имеет очень большое значение. Оно определяется и задачами если не управления, то манипулирования сетевыми сообществами.

Манипулирование «маленьким миром»

Термин «манипулирование» употребляется для обозначения одного из способов целенаправленного воздействия на социальную группу для использования ее ресурсного, полити-

ческого, духовно-нравственного или любого другого потенциала (включая, например, численность или вооружение) для достижения целей, не отвечающих содержанию объединяющих данную группу собственных интересов или ценностей. Причем такие «чужие» цели, становясь одним из смыслов существования и жизнедеятельности манипулируемой группы, в значительно большей степени соответствуют ценностям, целям и интересам манипуляторов.

Мировая политическая практика дает немало примеров подобного манипулирования сетевыми сообществами, принявшими вид толпы единичествующих. Таким примером являются не только преданные идее независимости радикальные украинские националисты, выступающие за скорейшую интеграцию своей страны в ЕС, но и российские фанаты местного футбольного клуба, устраивающие массовые акции против иностранных мигрантов.

Эта толпа по своей сути является одной из форм явления, которое исследователи сетей называют «маленьким миром». Феномен «маленького мира» вызван появлением сети с высоким уровнем взаимодействия, охватывающей независимо от наличия посредников весьма ограниченное число людей, более строго — элементов. При анализе обычно выделяют 2 вида сетей: по отношению и по принадлежности. Сети по отношению характеризуются наличием, направлением и масштабом взаимодействий между элементами. К таким сетям относятся, например, соседские или дружеские сети. Сети по принадлежности — это сети, взаимодействие в которых определяется принадлежностью элемента, его участием в событии, организации или группе. Примером таких сетей являются социальные клубы, ветеранские организации или сообщества по интересам [Maoz 2011: 7].

В экстремальных условиях политического кризиса или острого конфликта грань между сетевым сообществом граждан и толпой становится все более проницаемой и рушится. Говоря языком Аристотеля, одного из первых политологов, описавших этот

феномен, власть, действующая по закону, подменяется властью законов толпы, охлоса, склонного действовать под влиянием эмоций и настроений, легко внушаемых как бы самоорганизовавшимся кооперативным (часто — криминальным) менеджментом.

Его формирование, так же как и дифференциация толпы (сети) на «актив» и «болото», сами по себе еще не означают ее иерархизации. Толпа в соответствии с встающими перед ней управленческими, пропагандистскими, снабженческими задачами, решаемыми по правилам сети, не институционализирует и не соподчиняет структуры, выполняющие соответствующие функции. Ситуативно-временное существование этих структур, переменный состав большинства составляющих их элементов, допускающая некоторую специализацию, не дают им институционализироваться в соответствии с правилами системы, действующими в данном локальном сообществе. Именно в этом и состоит одно из кардинальных отличий толпы от племени, банды уголовников, команды футболистов или туристско-байдарочников,двигающихся по порожистой реке.

Толпа — это по своей сути сетевое, т.е. не имеющее иерархической структуры, образование. Побуждение к действию в толпе передается от одного индивида к другому с добавлениями и искажениями, легко возникающими в атмосфере общего возбуждения. «Разогрев» толпы — дело относительно нетрудное, во всяком случае, недорогое. Куда сложнее управление толпой. Толпа действует по своим представлениям о политической целесообразности, «по понятиям», смысл которых нередко весьма существенно отличается от политических целей не только ее признанных вожаков, но и действительных организаторов, сумевших стереть грань, отделяющую охлос от демоса.

С точки зрения сетевого понимания процессов, определяющих облик современной мировой политики, толпа на Майдане и на площади Тахрир при всем различии их политического бытия, интересов, ценностей и смыслов — это, прежде всего, толпа, орга-

низованная и действующая как сеть. Сетевая форма объединения людей, самоорганизации толпы оказывается чрезвычайно эффективной (но никак не новой) организацией политической деятельности. Как уже отмечалось, сущностной, онтологической основой любой политической сети является отсутствие управленческой централизации, иерархии власти.

Человек толпы в мировой политике

Человек толпы, «освобожденный» ею от иерархии власти, выходя на мировую арену, становится, по словам И. Канта, «эгоистом», все цели которого ограничены самим собой. Этому «эгоизму можно противопоставлять только плюрализм, т.е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий в своем Я весь мир, а только как гражданин мира» [Кант 1966: 361].

Не пытаясь оценить вероятность и сроки завершения подобных изменений в «образе мыслей», все же можно попытаться с высокой долей уверенности указать на вероятного властелина грядущего мира. Этим миром будет править глобальный охлос, состоящий из «эгоистов». Не «граждане мира», образующие демос и политику с легитимными законами и общественными институтами, а многомиллиардный охлос, овладевший компьютерной грамотностью

и средствами доступа к глобальным коммуникативным сетям, выйдет на международную арену. Действуя как бы независимо от национального суверенитета и национально-государственных интересов, именно он будет делать мировую политику. Идеологема «управление без правительства», ставшая пунктом сопряжения для классического либерализма и аутентичного марксизма, сможет наконец-то найти хоть какое-то зримое воплощение.

Заглядывая в будущее, нетрудно представить себе глобальный охлос, состоящий из «эгоистов»-неграждан, т.е. людей, не являющихся гражданами в собственном, политическом (не говоря уж о кантовском) смысле этого понятия, но имеющих возможность благодаря техническому совершенствованию сетевых коммуникаций выйти на глобальную, всемирную арену. В этой ситуации ответ на главный политический вопрос: «кому принадлежит власть?» будет зависеть от тех социально-культурных основ, которые, в конечном счете, и станут определять не только формы взаимодействия между участниками глобальных властных отношений, но и сам их смысл.

В статье использованы авторские материалы, размещенные в блоге экспертов РСМД. Доступ: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/>

Литература

- Алексеева Т.А. 2014. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. — *Сравнительная политика*, № 1(14).
- Гайденко П.П. 2003. *Научная рациональность и философский разум*. М.: Прогресс-Традиция, 422 с.
- Кант И. 1966. Антропология с прагматической точки зрения. — *Сочинения*. В 6 т. — М.: Мысль. Т. 6.
- Косов Г., Потапов В., Ширяев В. 2013. Политические сети: специфика современной архитектоники. — *Власть*, № 10. С. 64-69.
- Курочкин А.В. 2011. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, № 8. Ч. III. С. 117-119.
- Фельдман Д.М. 2012. О правилах мировой политики. — *Вопросы философии*, №5. С. 35-47.
- Castells M. 1996. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 351 p.
- Maoz Z. 2011. *Networks of Nations: the Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816–2001*. N.Y.: Cambridge University Press, 289 p.